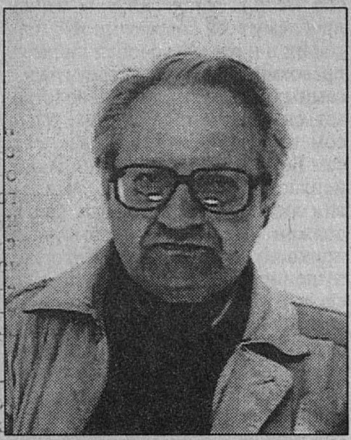

Александр Кустарев

ТЕХ ПОР как русские люди обнаружили, что они в этом мире не одни, стало им покоя. В самом деле, трудно найти другой народ, до такой степени озабоченный «друтием». Некоторые комментаторы российского общества даже полагают, что эта одержимость «антиподами» и есть главный элемент российского сознания. Во всяком случае, уже полтора века пикируются между собой западники и славянофилы, или, говоря более простым языком, фарышники и скобары. И такое впечатление, что ничего более заметного, во всяком случае шумного, в российской умственной жизни не происходит. Образы «хорошего» и «плохого» Запада никак не изгораются из голов острокопечников и тулокопечников.

Казалось бы, вечная изоляция России от Запада осталась позади. В последние годы контакты россиян с Западом возросли немаловажно. Для многих из них Запад из мифа превратился в нечто достаточно обыденное. Одновременно у многих из нас восторженное отношение к Западу сменилось скептическим. Появились даже страстные ренегаты, отрешившиеся от фары и ставшие твердокаменными скобарями (мне, правда, неизвестен ни один случай обратного превращения). И все же ясные и трезвые представления о Западе — по-прежнему редкость. Чаше всего старые мифы просто сменяются новыми. Александр Зиновьев предложил нам свой взгляд на Запад в надежде, что ему удалось преодолеть предрассудки. Его надежды не совсем обосновательны. В книге, как мы увидим, много здравого и полезного. Но все же не так много, как, может быть, думают его старые и новые поклонники.

«Что бы ни говорили» теперь про Зиновьева злые языки, у него есть статус. «Энциклопедия» 20 лет назад почти превратили его автора в культовую фигуру. Книга была очень адекватна атмосфере того времени. Ее хаотичность и слепая зависимость от подпольного политического фольклора вместо того, чтобы насторожить читателей, помогли иллюзии, будто это какая-то необыкновенно новаторская и глубокомысленная книга. Зиновьева объявили новым Свифтом и Шеллином.

Писатель, свихнувшийся с ролью пророка, продолжал писать и писать. Отношение к нему, впрочем, сильно изменилось. Большинство бывших поклонников отвернулись от Зиновьева и стали ругать его так же истоно, как раньше превозносили. Не решаясь признаться в том, что когда-то не сумели разглядеть, с чем имеют дело, теперь они быстро убедили себя в том, что Зиновьев попросту «свихнулся». Им кажется, что Зиновьев перешел обратно на сторону советской власти. Зато у него появились новые поклонники. Так или иначе, Зиновьев остается общественной фигурой. Он определенно влияет на умы. Его литературная продукция велика и богата суждениями, которые нельзя игнорировать.

Поскольку мы не обладаем способностью одновременно говорить гостии и комплименты, наш очерк будет состоять из двух частей. Сначала мы возьмем наиболее желательную для Зиновьева позицию, а затем, наоборот, неблагоприятную. И во имя справедливости, и во имя истины, что, впрочем, как хорошо известно, одно и то же.

НАЧАТЬ с того, что книга Зиновьева «Запад» без всякой меры беспорядочна. Ее можно было бы назвать сборником газетных колонок. Для этого можно себе представить, что Зиновьев заключил с какой-то газетой контракт каждую неделю писать 1000 строк на какую-нибудь общественно-политическую тему. Никаких обязательств, просто писать все, что взбрет в голову. И вот три с половиной года (в книге 185 глав) злословный Зиновьев тянет ляжку и снабжает газету каждую неделю чем-нибудь этаким про «жизнь», про «политику», про «Запад». Потом приходит еще год три, и все еженедельные статьи выходят в свет отдельным томом. Такое бывает. И такие книги адекватным образом воспринимаются читателями, если читатель заранее предупрежден. Но постройте книгу как имитацию серии газетных статей — это затаея, мякоть говоря, неосторожная. Зиновьев строил Вавилонскую башню с помощью технологии возведения монгольской юрты. Все это допустимо и даже желательно в газете, а вот в трактате такого делать нельзя. Трактат для того и пишется, чтобы преодолеть газетную интеллектуальную чернуху и хаос. Иначе это не трактат, и не надо вводить людей в заблуждение.

Читая такой трактат на самом деле весьма трудно и скучно. Книга местами украшена (или, если угодно, изуродована) странными теоретическими суждениями. Это прежде всего концепция «Запада» и ряда производных от него — западизм, западоил, жилдасея, что Зиновьев объяснил нам, в чем уникальность Запада и что такое западизм. К сожалению, объяснен он путанно и плохо. У нас перед глазами мелькают разные характерные элементы западного образа жизни, как он видится полуобразованному обывателю, но суть дела все время куда-то ускользает. Поразительная деталь: на протяжении многих страниц так ни разу и не упоминается христианство, а понятие «личности» мелькает пару раз в более или менее случайных контекстах.

Конечно, говорить о связи между так называемой западной цивилизацией и христианством не очень-то оригинально, но что тут поделаешь: факт не перестает быть фактом, если его знают все. Зиновьев, по существу, уклоняется от обсуждения «западнической» парадигмы. Беспорядочно перечисляемые им аспекты западного образа жизни относятся к практике современного индустриального общества в его уже очень зрелой фазе, и не более того. Типологического и исторического измерения концепция Зиновьева лишена. Первые 50 страниц написаны неизвестно зачем, и все последующее не имеет к ним почти никакого отношения. Игнорировать христианство, обсуждая Запад, было бы ребецким авантюризмом, и этот авантюризм не оправдался.

Аналитическая идея, которой Зиновьев вроде бы сам придает большое значение, — это разделение жизни общества на «деловую» и «коммунальную». Зиновьев муссирует эту идею в слегка приподнятом тоне, и это позволяет нам подозревать, что она кажется ему оригинальной. Нет, она не оригинальна. Существовали и другие формулы для описания той же материи. Например, идея «базиса» и «надстройки». Или идея, что человек во всей полноте жизни представляет собой комбинацию разных социальных «ролей». Или идея «жизненных функций», когда-то имевшая хождение в Германии. Или идея поделить жизнь на две функциональные сферы — «производство» и «потребление». Все это, в общем, версии одного и того же. Я не вижу, какие интеллектуальные преимущества дает версия Зиновьева. Такое впечатление, что Запад, по мысли Зиновьева, отличается каким-то особым соотношением между «деловым» и «коммунальным» — то ли субстанциями, то ли секторами, то ли в количественном смысле, то ли в смысле «первичности-вторичности». К сожалению, Зиновьев танцует вокруг да около, так и не пояснив толком, что он имеет в виду.

Далее Зиновьев вводит довольно неуклюжее и даже комичное понятие «внутриклеточной» и «внеклеточной» жизни человека. Перепрыгивая вслед за ним на одной интересной теме, Зиновьев сравнивает совков с западней. Зиновьев думает, что советский человек в основном живет «внутри клеточки», а западный человек — «вне клеточки». Боже ж ты мой, откуда он это взял? А вот откуда. Зиновьев: «Когда я спросил моих многочисленных знакомых и случайных собеседников рассказать мне о том, как протекает их внутриклеточная жизнь, они обычно пожимали плечами. Им просто нечего было говорить. Западное общество с этой точки зрения является прямой противоположностью обществу коммунистическому, в котором внутриклеточная жизнь является основной частью жизни граждан». Это напоминает веселую историю о добром человеке и египетской мумии, которую египтологи никак не могли идентифицировать. Чесник провел с мумией как с единым и, выйдя, объявил, что это Тутанхамон девятнадцатый. Когда же удивленные египтологи спросили триумфатора, как ему удалось это узнать, профи бесстрастно ответил: «Сам сознался». И так, собеседники Зиновьева сами сознались, что никакой «внутриклеточной» жизни у них нет. Между тем даже в следственной практике уже с давних времен признание не считается доказательством вины. Теперь это уже все чисты знают, а социолог Зиновьев — положе, нет.

Я выбрал это цитату из Зиновьева, потому что она самым наглядным образом показывает нам его метод. Метод, который он с поразительной настойчивостью называет «научным», упрекая всех остальных в том, что они совершенно чужда научности. И так, у «западоидов» вообще нет жизни внутри «клеточки», которую тут приходится приравнять к «организации», иначе вся жизнь человека окажется «внутриклеточной». Кто же эти западоиды в таком случае? Пустыньники? Сплошная божом? А может быть, они просто не реагируют на то, что с ними происходит, например, на производстве? Или не хотят об этом разговаривать с другими? Или Зиновьеву просто попадались такие собеседники? В таком случае его опыт — совершенно уникален. По мнению почти всех советских людей, оказавшихся на Западе, туземцы вообще ни о чем, кроме «работы», «дела», в крайнем случае неведимости и автомобилей не говорят. На этом основании совки, привыкшие к кухонной лодке, презирают своих «западоидов» собравших и вообще считают их дикарями. Это, разумеется, тоже полнейший вздор. Мучительно непонятно, каким образом можно до такой степени не замечать, что никакого схематического «западоида» в природе нет и что наши запад-

норожденные приятели и собеседники говорят с одинаковым успехом, хотя и в разной комбинации, о службе, о бабах или о докторе Живаго в зависимости от обстановки разговора, в зависимости от того, с кем они разговаривают, и от того, в каком направлении толкаем разговор мы сами. Можно ли на основании этих разговоров заключать, какую роль в их жизни играют «клеточки», — это уже другой вопрос.

Запад — это совершенный Ноев ковчег социально-профессиональных групп и соответственно характеров. Советские люди, оказавшись за границей, обожают обсуждать англичан, немцев, французов, или «западоидов», не замечая, к какому общественному классу они принадлежат, а между тем классовые различия между людьми гораздо важнее, чем национальные. Это, конечно, для советского интеллигента скучно да и марксизмом пахнет. Вот и долдонят про людей с песьими головами.

Еще одно утверждение Зиновьева на очень хорошо знакомую тему: «Система идеологического «облаивания» на Западе является неизмеримо более мощной, чем та, какая была в Советском Союзе в сталинские и даже брежневские годы». Любопытно, что в первый момент этот приговор вызывает инстинктивное сочувствие. Советским людям, которым так обрыла пропаганда у себя дома, всегда казалось, что на Западе атмосфера жизни свободна от этой отравы. На самом деле это вовсе не так. Всякий, кто долго жил на Западе и при этом не игнорировал местные газеты и телевидение, очень быстро расстался с приятным мифом. Культурный истеблишмент и средства массовой информации на Западе постоянно воспроизводят некую всеобщую мифологию, которую можно обозвать пропагандой, но так же можно назвать более благоприятным термином «культура».

Люди эту мифологию или культуру легче принимают за чистую монету, чем их советские собратья. Но называть все это «облаиванием» можно только в большом полемическом запоре и с провокационными целями. В этом утверждении как капле воды обнаруживаются не приятные стороны манеры Зиновьева: 1) бестактность, 2) эгоцентризм, 3) мания преследования и 4) решение, в сущности, философских проблем на неадекватном уровне абстракции.

Эгоцентризм Зиновьева иной раз выглядит трюкеском. Он вешает так, как будто он на свете один или ему одному пришло в голову то, что он вешает. Его незнание о том, что он вешает, в особенности самокритической мысли, упрекает. Вот пример. Зиновьев: «Вряд ли в мире найдется хотя бы несколько человек, которые будут оспаривать утверждение, что западная экономика является самой эффективной в мире и в истории человечества вообще». Между тем «зеленые» только и твердят, что западная экономика на самом деле не эффективна, да и в истеблишменте полно скептиков, сомневающихся, знает ли вообще западная экономическая теория, что такое «экономическая эффективность». Кто прав насчет «эффективности», мы тут решать не будем, но речь ведь и не об этом: речь о том, найдутся ли несколько человек... Найдется гораздо больше, если смотреть не себе под ноги, а вокруг себя. И так почти все время. Зиновьеву ведь чудится заго-

воры. Например: «Формально не существует единый центр управления медиа. Но фактически он функционирует так, как будто получает инструкции из некоего руководящего центра наподобие ЦК КПСС. Тут есть своя «невидимая рука». Она почти совсем не изучена научно. Данные о ней редко попадают в печать. Ее образуют сравнительно небольшое число лиц, которые санкционируют рекомендации, выработанные более широким кругом политиков, бизнесменов, политологов, журналистов, советников и т.д., и подают сигнал к согласованной деятельности медиа по определенным проблемам».

Одно из двух, однако: либо «невидимая рука», либо центр наподобие ЦК КПСС. Понятие «невидимой руки» ввел Адам Смит, называя так законы рыночного равновесия. Смит был научный человек. Он-то как раз хотел подчеркнуть, что порядок в мире устанавливается не людьми, а сам собой, как некая логика природы. Прямая противоположность этому — «рука Кремля», или там «Белого дома», или «сионских мудрецов», или «масонов». Зиновьев, похоже, жет, считает метод Смита ненаучным, а миф о заговоре научным. Вот уж действительно все вверх ногами. Между прочим, что касается «невидимой руки» наподобие ЦК КПСС» в духе Зиновьева, то его утверждение,

коммунизму или советскому обществу. Он отказывается считать строительство социализма в России жульничеством, а коммунистов — «врагами народа». На фоне инфантильного и высокомерного антикоммунизма вчерашних партийных работников и журналистов это выглядит не просто как демонстрация хладнокровия и свободомыслия, но и как акт личного мужества, потому что за такое поведение нынче полагается либо показательный процесс (к счастью, символический), либо обвинение в умственной отсталости.

Между тем храбрость Зиновьева достигает просто героических масштабов, когда он, например, пишет про хваленый Запад: «Рабочее место для огромного числа людей превращается в ад. Интриги, оскорбления, шантаж, угрозы, принуждение к сексу и тому подобное являются обычными явлениями. На рабочих местах идет ежедневная война такого рода. В коммунистических коллективах против этого есть хоть какая-то защита (партийная и комсомольская организация, общие собрания, дирекция, стенная газета и т.п.), в западных же ее почти нет. Клеточка коммунистического общества более человечна». Это, конечно, не совсем точно. На Западе есть суды и профсоюзы, так что и здесь человек не так

смелся и спрашивали меня: откуда я взял, что на Западе дело обстоит иначе? Я быстро убедился, что они были правы. Я не уверен, что мы имеем тут дело с какой-то уникальностью «западнизма», но простым русским людям, которые, как и я в данном случае, озабочены не столько теоретическими проблемами, сколько вопросом, будет ли им лучше, если они, например, переведутся из московской конторы «Рога и копыта» в лондонскую контору «Копыта и рога», я могу ответить, что большой разницы они не заметят, а может быть, даже им будет несколько похуже. С пенсиями тут сейчас, конечно, лучше, чем в Кемерове или Грозном, а в остальном... Вопрос об атмосфере в западных трудовых коллективах связан с одной очень простой на вид, но по-настоящему глубокой аналитической идеей Зиновьева. Он обращает внимание, что на Западе либерально-популярный характер общества в целом с лихвой перекрывается авторитарно-репрессивным режимом на уровне фирм. Тогда как в советском обществе в пору его расцвета, совпавшего с порею расцвета, по-видимому, обществом было прямо противоположным образом. Это позволяет нам предположить, что количество свободы и несвободы в обществе всегда примерно одно и то же. Они лишь по-разному

распределены по этажам общественной организации. Можно также думать, что существует оптимальное распределение с точки зрения, например, экономической эффективности. Еще более смелые мыслители имеют шанс предположить, что есть и оптимальный вариант такого распределения с точки зрения человеческого счастья, но это уже увлекает нашу мысль в облака, и мы не решаемся лететь так высоко. Так или иначе, а наблюдение это в высшей степени продуктивно и полезно для тех, кто подумывает об организации политических партий.

Еще одно важное для советских людей наблюдение Зиновьева: «Марксистская оценка западного общества как тоталитарного капиталистического была преувеличением». Тут Зиновьев кажется, как мне кажется, одного из главных элементов советского сознания на протяжении полудека. Элемент, имевший огромное влияние на всю эмоциональную и умственную жизнь советского общества. Но не только. Советский человек действительно всегда считал, что западное общество — это капитализм и что это хорошо. Первое ему внушила советская пропаганда. До второго он додумался сам, стоя в очереди и толкаясь в трамваях и толкаясь в коммунках. Эта мифологическая комбинация имеет огромные последствия для всей постсоветской истории российского общества. Советское сознание верило и, может быть, продолжает верить в возможность чистого капитализма. Оно не знает, чем Запад обязан капитализму и чем не обязан, что хорошего в западном обществе от капитализма и что плохого. Что в западном обществе сохранилось от докапиталистических времен и что в результате преобразования капитализма. Советские люди отождествляют Запад с капитализмом, а капитализм — с частной собственностью, со свободным рынком, с демократией и антигуманизмом. Зиновьев считал, что оба варианта близорукой мифологии, и он прав.

Зиновьев обращает внимание на явление, которое на самом Западе, кажется, еще недостаточно хорошо осознано и пока обсуждается вполголоса. А именно: технический прогресс пошел в таком направлении, что большинство людей не способны из-за недостатка способности необретимому расслесению общества и, в сущности, к торжеству расизма. Эту тенденцию начинают понимать те, кто занимается систематическим наблюдением за безработицей. Либерально-эгалитарная традиция в западном обществе этим сильно обеспокоена. Особенно много пишут об этом теперь во Франции, потом в Германии, меньше в Англии, а в Америке уже достаточно слышны голоса, которые, хотя и осторожно, намекают, что все это, может быть, неизбежно и даже желанная классовая борьба. И в ней применяются полууголовные методы. И нет, мать ее так, парторганизации, которая могла бы прекратить это безобразие.

Наблюдение Зиновьева не вызывает никакого удивления у западного человека. Западный человек прекрасно все это знает. Когда я приехал в Америку почти 15 лет назад и жаловался американцам на обстановку в советских учреждениях, они часто

уж безбашенно. Но в общем — что бы мы подумали? — Зиновьев прав. Его проницательность тем более завидна, что ему самому как будто бы не довелось работать в большой западной фирме. А те, кому довелось, могли бы порассказать кое-что и похуже. Большой трудовой коллектив на Западе — это настоящий гадошник, будь то фирма по торговле недвижимостью, банк, завод по производству принтеров, симфонический оркестр или корпорация типа Би-би-си. Везде идет карьерная конкуренция, от которой страдают даже те (а может быть, прежде всего те), кто в ней не хочет принимать участия, потому что менеджмент, как правило, поощряет карьеризм. Идет суровая борьба между менеджментом и трудящимися у станка за долю в фонде зарплат и в собственности за всякие льготные выплаты, премиальные и командировочные. В нынешней исторической фазе менеджмент явно берет верх. Это, в сущности, настоящая классовая борьба. И в ней применяются полууголовные методы. И нет, мать ее так, парторганизации, которая могла бы прекратить это безобразие.

Наблюдение Зиновьева не вызывает никакого удивления у западного человека. Западный человек прекрасно все это знает. Когда я приехал в Америку почти 15 лет назад и жаловался американцам на обстановку в советских учреждениях, они часто

уж безбашенно. Но в общем — что бы мы подумали? — Зиновьев прав. Его проницательность тем более завидна, что ему самому как будто бы не довелось работать в большой западной фирме. А те, кому довелось, могли бы порассказать кое-что и похуже. Большой трудовой коллектив на Западе — это настоящий гадошник, будь то фирма по торговле недвижимостью, банк, завод по производству принтеров, симфонический оркестр или корпорация типа Би-би-си. Везде идет карьерная конкуренция, от которой страдают даже те (а может быть, прежде всего те), кто в ней не хочет принимать участия, потому что менеджмент, как правило, поощряет карьеризм. Идет суровая борьба между менеджментом и трудящимися у станка за долю в фонде зарплат и в собственности за всякие льготные выплаты, премиальные и командировочные. В нынешней исторической фазе менеджмент явно берет верх. Это, в сущности, настоящая классовая борьба. И в ней применяются полууголовные методы. И нет, мать ее так, парторганизации, которая могла бы прекратить это безобразие.

Советские люди, изголодавшиеся в свое время по информации и гласности, склонны рассматривать обилие названий и обложек на западном газетно-журнальном рынке с таким же слезливым восторгом, как и обилие колбас и фруктов на прилавках, то есть как явный признак рая, где сам воздух пропитан, так сказать, гуманитарной помощью. Зиновьев с полным основанием принимает брезгливый тон, когда пишет: «Информация о фактах теперь имеется в избытке, является даже чрезмерной. И это уже стало препятствием на пути понимания, причем для большинства людей препятствием непреодолимым. Масс медиа захлестывают сознание людей настолько, что они вообще перестают что-либо понимать. Тут действует принцип: «пусть знают все, не понимая ничего». Это поразительно ценное наблюдение. Решаюсь даже допустить, что оригинальное и смелое. По разным причинам мало кто сумел и захотел так открыто высказаться, то что многие, так сказать, сверлом чувствуют. Даже те, кто вел в широком диапазоне такие замечательные слова, как «фактоид» или «информеймент» (гибрид двух английских слов «информация» и «энттейнмент», то есть развлечение), стыдливо опускают глаза, прочитав убийственную сентенцию Зиновьева: работники медиа, как и всякие профессионалы, не очень-то готовы к циничным саморазоблачениям и предпочитают думать, что приносят обществу пользу, а не вредят. Но на самом деле механическое воспроизведение фактоидов сырьем, я бы сказал, «клонирование фактоидов», стало массовым производством и формой занятости. Медиа паразитируют на том, что у людей стало гораздо больше свободного времени и они, как правило, не знают сами, чем себя занять. Но уже не мается сопротивление этому засорению природы так называемой информацией. С некоторых пор я вообще перестал смотреть телевизорные новости, например. Перестал так же, как бросил курить. Мне кажется, что с тех пор я стал лучше знать, что происходит в мире. Да что там говорить, прав Зиновьев, абсолютно прав, и тут есть над чем подумать.

Чрезвычайно удачен весь параграф «Видущие мотивы западизма». Тут Зиновьев говорит о «принципиально высоком жизненном стандарте» на Западе, для достижения которого люди должны рыть носом землю, даже если им вовсе этого не хочется. Люди на Западе действительно ступают в принудительную гонку престижного показного потребления. Люди на Западе, как справедливо замечает Зиновьев, действительно расширяют обрести реальную свободу действий, которую им может обеспечить только высокий, стабильный и гарантированный материальный уровень. И превращенной формой этого стремления к свободе оказывается коллективное стремление к свободе, то есть, как выражается Зиновьев, «стремление к покоре- нению планеты». Между прочим, мне не очень понятно, почему автор спрятал этот параграф где-то в середине своей книги. Вряд ли он руководствовался изощренной стратегией эзотерических пророков, считающих нужным хорошенько прикрыть свое существование из того, что они говорят. Скорее, это свидетельство беспорядочного и сырого характера всей книги. Этот сюжет появился в тот момент,

когда Зиновьев про него вспоминал. Между тем «экономический рост» и «экспансия» в самом деле представляют собой самое существо «западнизма». Это наблюдение, впрочем, не оригинально. И экспансионизм даже ставится под сомнение как ценность. В ООБЩЕ симпатичная сторона зиновьевской журналистики — это здравый смысл и трезвость. Зиновьев довольно часто ведет себя, как знаменитый мальчик, оповестивший всех, что «король голый». Пыльная толпа, к сожалению, редко прислушивается к трезвым голосам. Тем более что «кумировторчество» — уж очень укорененная и, по-видимому, функционально осмысленная привычка человека. Зиновьев совершенно справедливо указывает на то, что на Западе практикуется «культ личности». Масштабы этих култов, говорит он, во много раз превосходят то, что имело место в Советском Союзе. На Западе, как он выражается, существует «выдающаяся личность». И далее он язвительно замечает, что обычно так называемые «выдающиеся личности» — на самом деле «лишь имитация таковых, раздутая в средствах массовой информации сверх всякой меры... исповинители, имитаторы, интерпретаторы, компиляторы, эксплуататоры культуры прошлого, плагиаторы».

Пожокие горько-злоразные наблюдения делались не однажды. Последней очень авторитетной атакой на «вторичность» нынешней культуры была книга Джорджа Стайнера в 1990 году. Честно говоря, эта критика не на все 100 процентов справедлива. Так что утверждение Зиновьева может показаться сомнительным как с точки зрения оригинальности, так и обоснованности. Однако в его пафосе есть нотки, которые заставляют нас отнестись к этому наблюдению серьезно. Во-первых, Зиновьев сравнивает ситуацию на Западе и в советском обществе — и не в пользу Запада. Во-вторых, он почти договаривается до утверждения, что кумировторчество — структурная основа всей «культуры-экономики», а может быть, вообще всей экономики Запада в постиндустриальном обществе. И это уже не так тривиально. Правда, если мы признаем наблюдения Зиновьева значительными, то сразу возникает ползновение, что Запад — вовсе никакой не Запад, потому что склонность насыщать мир богами и героями — совсем не привилегия Запада. Это интересный вопрос, но у нас нет времени сейчас им заниматься. Повторим лишь еще раз, что наблюдения Зиновьева в этом случае в высшей степени трезвы и продуктивны. Думай, кому не лень.

И наконец, еще одно наблюдение Зиновьева, которое мне представляется исключительно важным не просто в контексте сопоставления Запада и России, например, а для всех наших размышлений о том, как вырабатывается коллективная воля общества. Зиновьев, на мой взгляд, рассуждая на эту тему, опять впадает в конспирацию, называя подряд всякие разные «лица», ответственные, как он выражается, за «идеологический контроль» в западном обществе. Но в конце концов делает серьезную уступку науке и замечает:

«Короче говоря, все то, что в коммунистических странах делалось по инициативе особых аппаратов и по принуждению, на Западе тоже делается, но делается как бы само собой, без видимого принуждения со стороны государства». Эта не очень точная формулировка отражает два важных обстоятельства, о которых мало говорят, а если и говорят, то стесняясь и вполголоса. Во-первых, оказывается, что на Западе общество ждет от индивида примерно того же, что «партия и правительство» ждали от советского человека. Тех же добродетелей, включая такие, которые многим из нас представлялись пороками, например конформизм, донесительство и карьеризм. Для многих советских людей, прибывших на Запад, это было настоящим шоком, и у некоторых от этого даже крышевало. Но в советском обществе инициатива социального контроля исходила тоже не от «Партии и Правительства», а эти достоянные институты только примазывались к тому, что отвечало воле некоторых социальных групп. Особенно в эпоху расцвета, пардон, застоя. Мне всегда казалось, что роль государства в жизни советского общества сильно завышалась из-за того, что все было у государства на зарплате. Поэтому и казалось, что КПСС или КПГ попускает журналистов и доцентов. Шутки шутками, а не обостро ли дело наоборот? Во всяком случае, сравнение с Западом и в самой России дает много материала для такой взвешанной мысли. Конечно, советская власть по видимости свалилась на головы ибашев слово как бы с Марса, но потом было еще 70 лет: это долгая история, и эта история еще не написана... Тем, кто собирается этим заниматься, совсем не бесполезно в начале работы выписать несколько пассажей из книги Зиновьева «Запад». Сильно прочитает мозги.

Александр Сергеевич Кустарев (Донде) — независимый журналист. В прошлом — главный редактор литературных программ Би-би-си.

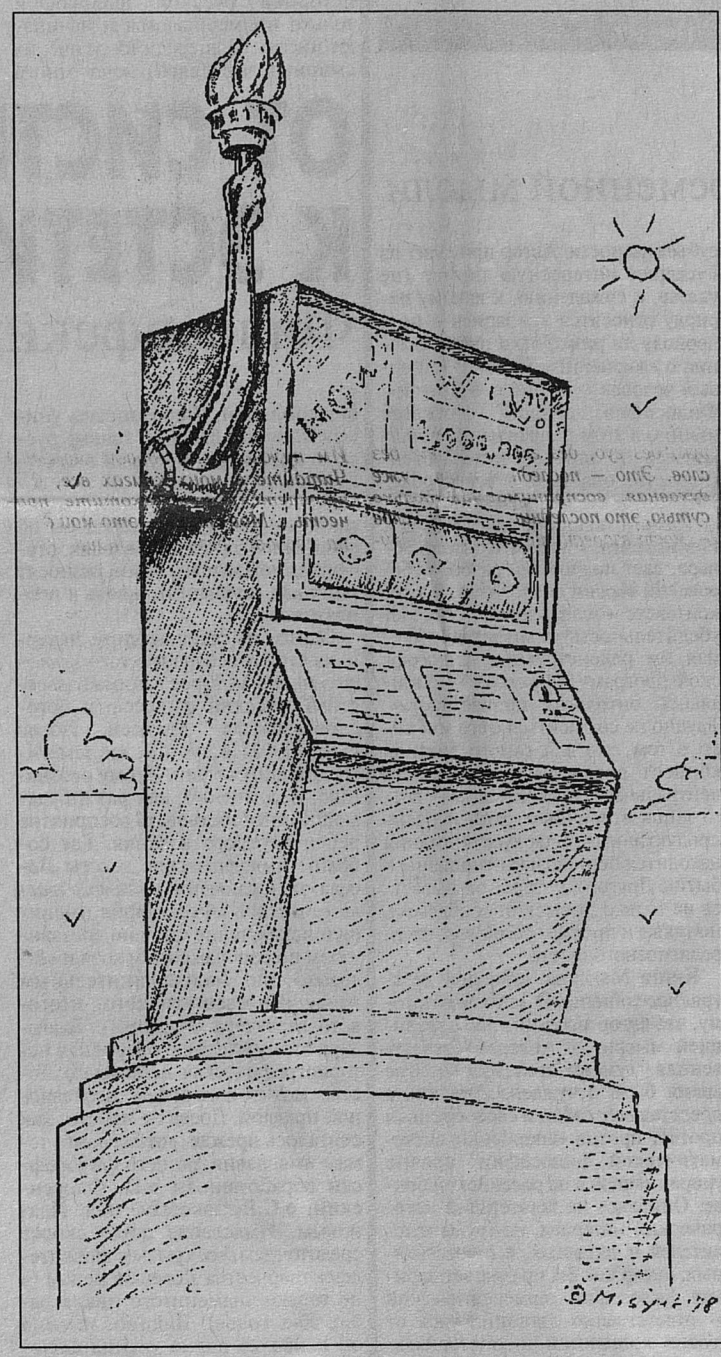

Рисунок Вадима Мусюка